

А.С. СТЫКАЛИН
(Институт славяноведения РАН, Москва)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВЕТСКИХ МОЛДАВАН В 1960-Е ГОДЫ

Abstract:

Stykalin A.S. *Some aspects of the national identity of the Soviet Moldovan people in the 1960s*

In the middle of the 1960s, the national regeneration movement became more active among the intellectuals in the Soviet Moldavia. They appealed to the authorities and the public opinion, aiming at expanding the usage of the national majority's language. Part of this movement also desired to establish closer contacts with contemporary Romanian culture and — in broader context — with the whole Latin world. The Communist Party leadership of the Moldavian Soviet Republic took measures to weaken the cultural influence of the neighbouring country and to stop the formation of the Romanian national identity among the population of the Soviet Moldavia. At the same time, the Moldavian Communist Party leaders used the broadening Romanian cultural influence as an argument in order to convince Moscow to give additional funds for building an advanced cultural infrastructure that would be capable of resisting the Romanian influence. In Moscow, the problem of the Romanian influence on Soviet Moldavia was considered in the context of the complicated Soviet-Romanian relations (The sharpest conflict in the Soviet-Romanian relations took place in August 1968, when Romania radically opposed the invasion to Czechoslovakia).

Ключевые слова: Советская Молдавия, Румыния эпохи Чаушеску, молдавская национальная идентичность, советско-румынские отношения, Пражская весна 1968 г.

В аппарате ЦК КПСС в Москве тщательно следили за состоянием межнациональных отношений в Советском Союзе. Стекавшаяся сюда из разных союзных республик информация внимательно изучалась, по наиболее существенным вопросам составлялись докладные записки для Политбюро (до 1966 г. — Президиум) и Секретариата ЦК КПСС. Как показывают документы, особое внимание было приковано к ситуации в Прибалтике и западных областях Украины. Как хорошо видно из опубликованных стенограмм заседаний Президиума ЦК КПСС, некоторые из них были целиком посвящены национальным отношениям в СССР. Так, в 1959 г. на Президиуме ЦК подробно обсуждалось положение дел в компартиях Латвии и Азербайджана, причем по итогам заседаний были приняты постановления о националистических тенденциях, националистических перегибах в тех или иных республиках, сделаны оргвыводы. Я.Э. Калнберзин и И.Д. Мустафаев были освобождены от обязанностей

первых секретарей компартий своих республик¹. Руководство компартии Молдавии и, в частности, И.И. Бодюл, избранный первым секретарем ЦК в 1961 г., прекрасно знали о том, какое внимание уделяется партийным руководством страны состоянию межнациональных отношений, и не желали оказаться в положении раскритикованных за просчеты в национальной политике. А потому, не дожидаясь команды из Москвы, Бодюл старался систематически информировать центр о ситуации в своей республике. Одно из таких донесений датируется 29 ноября 1965 г., т.е. относится к периоду, когда во главе КПСС уже стоял новый генеральный секретарь — Л.И. Брежнев, которого Бодюл знал по совместной работе в Молдавии в начале 1950-х годов².

К этому времени в среде румыноязычной интеллигенции Молдавии активизируется движение, направленное на расширение сферы применения языка этнического большинства. Знаковым событием явился съезд писателей Советской Молдавии, состоявшийся 14–15 октября 1965 г. На съезде был поднят целый ряд острых, наболевших вопросов — о целесообразности замены кириллицы на латиницу в языковой практике; о восстановлении монастырей, других памятников национальной культуры и более активном культивировании исторических и духовных традиций Молдавского княжества; о том, что партийные функционеры должны выступать перед народом на его родном языке, а вывески на улицах должны быть не только на русском языке, но и на языке этнического большинства. Немалый общественный резонанс вызвало выступление на съезде Иона Друцэ, в котором делался акцент на расширении разносторонних связей с Румынией и румынской культурой: «не надо торопиться воздвигать китайскую стену между Молдавией и Румынией». Выступления писателей свидетельствовали об усиленных поисках румыноязычной интеллигенцией Советской Молдавии своей национальной идентичности, о ее стремлении к выявлению исторической общности молдаван не только с Румынией, но и с латинским миром. При этом гости из союзных республик с пониманием отнеслись к национальным чаяниям хозяев. Особенно это касалось назревшего в довольно широкой интеллигентской среде требования о возвращении к латинице. Так, латышский писатель Ю. Ванаг под аплодисменты многих собравшихся выразил недоумение в связи с тем, что молдавский народ пользуется кириллицей, в то время как классики молдавской литературы использовали латинский алфавит. Этот аргумент был тем более весомым, если учесть, что в интеллигентной румыноязычной молдавской среде в середине 1960-х годов имели достаточно широкое распространение изданные в межвоенный период латинской графикой произведения великих писателей прошлого, считавшихся в Советской Молдавии общими классиками молдавского и румынского народов, —

об этом хорошо знало партийное руководство Молдавской ССР³. Другой гость съезда, украинский писатель В.И. Левицкий из г. Черновцы, считал обучение молдаван на латинице делом более эффективным. Он заметил, что отсутствие в Молдавской ССР, а также в заселенных румыноязычным (в его трактовке, молдавским) населением районах Украины, учебников на латинице стимулирует ввоз учебных пособий из Румынии, по которым будет обучаться подрастающее поколение. Справедливость этого суждения подтверждается документами из фондов ЦК компартии Молдавской ССР за 1960-е годы. Так, по некоторым свидетельствам, в Кишиневском медицинском институте многие преподаватели, работая со студентами-молдаванами, широко использовали в учебном процессе румынские учебники, поскольку считали это более эффективным делом; имеются аналогичные свидетельства и по другим вузам⁴.

На съезде писателей республики были и представители центра, члены руководства Союза писателей СССР, в обязанности которых входило информирование высших партийно-идеологических структур о происходившем в середине октября в Кишиневе. Учитывая весьма непростые советско-румынские отношения в этот период⁵, настроения молдавской (румыноязычной) интеллигенции в пользу более активных культурных связей с «проблемным» соседом и диссидентом в социалистическом содружестве — Румынией не могли не вызвать озабоченности на Старой площади, в аппарате ЦК КПСС. Это прекрасно понимали в руководстве Советской Молдавии. Предвидя возможную критику из центра за попустительское в отношении разного рода националистических проявлений и стремясь опередить ее, Бодюл направил в конце ноября в Москву записку о происходившем на съезде писателей республики и принятых в этой связи мерах⁶.

В записке республиканского партийного лидера содержался, как это было принято, дежурный элемент самокритики. В своем отчете он заметил, что «нездоровые» проявления на съезде стали возможными в связи с недостаточной политической работой среди писателей. Бодюл вынужден был признать, что «возникшие на съезде вопросы создали определенное общественное мнение в республике» и активно обсуждаются⁷.

Усилению «националистических тенденций» способствовали, по его мнению, высказывания Мао Цзэдуна об оккупации Советским Союзом ряда чужих территорий⁸, издание в Румынии ряда книг, трактующих в тенденциозном духе историческое прошлое Молдавии⁹, а также увеличение притока иностранной, в частности, румынской литературы в республику. Лидер республиканской парторганизации не подвергал сомнению правомерность постановки вопросов о необходимости развития молдавского языка, совершенствования учебников, сохранения памятников

национальной культуры, он возражал лишь против их трактовки «в националистическом духе» и извлечения необоснованных выводов — об игнорировании руководством Молдавской ССР национальных особенностей, беззаботном отношении к развитию и распространению молдавской литературы, пренебрежении памятниками прошлого и т.д. Требование о замене кириллицы латиницей Бодюл сходу отвергал как игнорирующее, по его мнению, исторические факты и условия формирования молдавской нации и молдавского языка¹⁰. Партийному секретарю явно не нравились не только «прорумынские» настроения, проявившиеся, например, в выступлении И.Друцэ, но и то, что самой постановкой вопроса о латинице «подчеркивалась принадлежность молдаван к нациям романского происхождения». В своей записке Бодюл обратил внимание и на другие проявления «неправильных», по его мнению, настроений в творческой среде — в частности, некоторые деятели культуры стали совершенно невосприимчивы к партийной критике¹¹.

В записке Бодюл затронул также довольно острую и, судя по многим документам, действительно назревшую снизу проблему о том, на каком языке должны выступать в низовых парторганизациях партийные работники. Как явствует из документов, командированным из Москвы инструкторам, лекторам часто задавали вопрос: почему руководящие работники компартии Молдавии всегда выступают перед народом на русском языке¹². При этом ситуации в Молдавии противопоставлялось положение на Украине, где первый секретарь ЦК компартии республики П.Е. Шелест, а по его примеру и другие руководители республики, имели обыкновение выступать перед украиноязычной аудиторией на ее родном языке и делали это даже в преимущественно русскоязычной Одессе¹³. И.И. Бодюл не обошел стороной этой проблемы, подойдя к ней довольно аккуратно. Он признал, что в молдавском обществе активизировалось движение за расширение сферы применения родного языка, часть интеллигенции открыто проявляет недовольство тем, что на собраниях недостаточно выступают на молдавском языке¹⁴. С другой стороны, иногда бывают случаи, когда требуют говорить по-русски от тех, кто может это делать не очень уверенно. Как явствует из записки, Бодюл считал необходимым поправлять тех функционеров, которые требуют от выступающих говорить на том языке, которым они хуже владеют.

Первый секретарь ЦК компартии Молдавии коснулся также проблемы о преобладании на улицах вывесок, написанных только на русском языке, как и о том, что мало молдавских названий улиц. Многие кишиневские улицы, заметил он, имели русские названия еще до Октябрьской революции. Вместе с тем в своей записке он признал, что этой проблеме надо придавать надлежащее значение, регулируя правильное сочетание

двух языков как на вывесках, так и в названиях улиц, тем более, что имеющиеся в этом отношении диспропорции привлекают внимание иностранной прессы, черпающей информацию в том числе от туристов, все чаще посещающих республику.

Усиление «нежелательных», националистических настроений в среде молдавской интеллигенции Бодюл связывал с влиянием соседнего государства, особенно через румынские газеты и журналы, распространяемые в Молдавской ССР. Он достаточно хорошо осознавал, насколько велик интерес к происходящему в Румынии в силу культурно-языковой близости населения, живущего по обе стороны Прута. Решение проблемы ограничения румынского влияния Бодюл видел на путях создания в самой республике более развитой инфраструктуры культурных институтов, способных ослабить воздействие извне. Первый секретарь республиканской парторганизации расценил как серьезный недостаток в идеологической работе закрытие ряда периодических изданий, выходявших в республике как на русском, так и на молдавском языке, а также плохое распространение книг, изданных на молдавском языке. Все это, как он писал в Москву, используется в качестве аргумента теми, кто обвиняет руководство республиканской парторганизации в недооценке развития молдавской культуры, и этот аргумент, «встречает довольно сильное сочувствие со стороны интеллигенции»¹⁵. В целях более полного удовлетворения запросов читателей Бодюл настоятельно поставил перед Москвой вопрос о восстановлении издания ряда ранее закрытых газет и журналов, в том числе специального издания для крестьянства, литературного журнала на русском языке «Днестр», газеты «Вечерний Кишинев», а также о разрешении организовать ряд новых изданий, в том числе иллюстрированного журнала типа «Огонька» и литературной газеты. В ЦК компартии Молдавии считали также целесообразным разукрупнить издательство «Картя молдовеняскэ», а также выделить дополнительные средства и бумагу для увеличения выпуска литературы на молдавском языке. Только создание ряда новых газет и журналов, как отмечал Бодюл, ослабит тягу к получению такой литературы из Румынии.

Первый секретарь не мог, конечно, обойти стороной вопроса о резком увеличении, начиная с 1964 г., подписки в Молдавии на румынскую периодику. Косвенно признавая, что образованные слои населения, молодежь испытывали довольно сильную тягу к румынской литературе, культуре, партийный лидер, разумеется, не был склонен объяснять это явление активизацией румынского самосознания определенной части населения, акцентировав внимание на нехватке местной литературы, которая удовлетворяла бы запросы читателя. В самой Румынии с большим энтузиазмом воспринималась перспектива расширения читательской

аудитории румынских изданий за счет Советской Молдавии. Румынские периодические издания реализовывались в Молдавии по весьма доступной цене, и это, в свою очередь, способствовало тому, что подписка на молдавские издания значительно сократилась за два года. Ставя перед Москвой вопрос об ограничении притока румынских изданий, Бодюл напрямую увязывал его с созданием новых молдавских газет и журналов. Надо сказать, что широкое распространение румынских изданий в Молдавии и большой к ним интерес сохранялись и в последующие годы. В октябре 1968 г. в ЦК компартии республики состоялась серьезная разборка, когда выяснилось, что в Молдавской ССР по недосмотру чиновников имеют широкое хождение румынские газеты за конец августа, в которых публиковались выступления Чаушеску и другие материалы, отражавшие острое неприятие румынским руководством советской силовой политики в условиях чехословацкого кризиса, так что значительная часть населения в республике воспринимала происходящее сквозь призму официальной румынской точки зрения¹⁶. На военных сборах, происходивших в период чехословацкого кризиса, фиксировались антисоветские высказывания, причем иногда под влиянием именно румынской интерпретации событий. Некоторые районные функционеры, ранее не заподозренные в различного рода националистических настроениях, противились мобилизации сельской молодежи на военные сборы, а также предоставлению колхозного автотранспорта и дорожно-строительной техники в распоряжение войсковых частей Одесского военного округа¹⁷.

Глава республиканской парторганизации в целом осознавал, что в силу исторических причин и культурно-языковой общности существует определенная почва для прорумынских настроений в Советской Молдавии. Как докладывал Бодюл в Москву 23 августа 1968 г., через два дня после вступления войск Организации Варшавского договора (ОВД) в Чехословакию, партийные органы не только продолжали разъяснительную работу среди трудящихся, но был «организован постоянный контроль за настроениями трудящихся Молдавии, проживающих вдоль границы»¹⁸. Еще в июле, во время больших маневров, проходивших на территории Молдавии (в том числе в непосредственной близости от г. Бельцы), и крупномасштабных военных сборов среди населения кое-где имели место панические слухи в связи с грядущей якобы войной, в магазинах было раскуплено продовольствие¹⁹.

Интерес к румынской прессе в конкретных условиях чехословацкого кризиса был объясним уже не столько осознанием этнической близости и культурной общности населения по обе стороны Прута, сколько тем, что в румынских изданиях давалась иная, чем в СССР, трактовка многих ключевых проблем международной жизни. В условиях дефицита инфор-

мации, получаемой от республиканских партийных и советских органов, жители Советской Молдавии все активнее обращались к румынскому радио и телевидению, что только усиливало психоз — румынские СМИ в период резкого обострения советско-румынских отношений нагнетали обстановку на границе, безосновательно писали о возможном вторжении войск стран ОВД не только в Чехословакию, но и в не подчинившуюся своим союзническим обязательствам Румынию. Принятые меры²⁰ лишь в ограниченной степени сняли напряжение. Согласно отчетам политпропагандистов, трудящиеся во время лекций о международном положении проявляли жгучий интерес к политике Румынии, задавали вопросы о ее претензиях в отношении Бессарабии²¹. Даже партийные пропагандисты испытывали в СССР дефицит информации по многим конкретным вопросам, связанным с чехословацким кризисом, и в целях восполнения этого дефицита нередко использовали версии румынских газет, не менее тенденциозные, но дополнявшие картину событий некоторыми новыми деталями²². В советской партийно-пропагандистской работе в процессе критики руководства СРР использовались некоторые двусмысленные внешнеполитические жесты румынского правительства, такие как, например, возложение венка на могилу Маннергейма премьер-министром И.Г. Маурером при посещении Финляндии в апреле 1968 г.²³

Вообще из документов можно сделать вывод, что в 1968 г. в молдавском обществе (в частности, в кругах интеллигенции и студенчества) имела место активизация настроений в пользу единения с Румынией. В октябре 1968 г. командированный из Москвы доктор философских наук из Института философии АН СССР М.С. Джунусов выступал перед кишиневскими студентами с лекциями о национальных отношениях в СССР. Его просили привести убедительные доказательства того, что молдаване являются самостоятельной нацией, отличной от румын, спрашивали, почему романский по языку народ не пользуется латинским алфавитом. Ставились также вопросы о переводе делопроизводства на молдавский язык, о гораздо более активном использовании титульного языка в высшей школе, о том, что и евреи должны иметь свои собственные национальные школы²⁴.

В 1960-е годы не была решена проблема создания в Кишиневе мощного радио- и телевизионного центра. Она ставилась руководством Молдавии перед Москвой многократно. Ее считали весьма актуальной, поскольку, как замечал Бодюл в своей записке от 29 ноября 1965 г., ввиду недосягаемости передач из Кишинева «большая часть жителей республики пользуется телевизионным вещанием Румынии, которая построила вдоль общей с нами границы несколько мощных телевизионных установок»²⁵. Как явствует из другой записки, даже в таком крупном по

республиканским меркам и преимущественно русскоязычном городе, как Бельцы, румынское телевидение летом 1968 г. принималось более четко, нежели передачи из Кишинева²⁶. 6 мая 1968 г. было принято постановление ЦК КПСС «О мерах помощи Молдавской ССР в улучшении идеологической работы». Этому предшествовало письмо И.И. Бодюля председателю Совета Министров СССР А.Н. Косыгину от 29 марта 1968 г. о том, что «в последнее время население Молдавии подвергается особенно усиленному идеологическому воздействию извне»; «географическое расположение республики, находящейся в радиусе действия мощных радиотрансляционных центров западных держав, позволяет беспрепятственно принимать их передачи, многие из которых специально предназначены для обработки населения Молдавской ССР»²⁷. Однако выделенные в соответствии с постановлением от 6 мая из союзного бюджета средства на улучшение радио- и телевизионной трансляции, создание ряда новых мощных ретрансляторов были сочтены в республике явно недостаточными. В своем письме в ЦК КПСС от 23 августа 1968 г. о ситуации на советско-румынской границе И.И. Бодюль увязывал необходимость выделения дополнительных средств с задачами контрпропагандистского характера: «По нашему мнению, республиканские средства информации следовало бы значительно шире использовать для политического влияния на Румынию»²⁸. Пока же они использовались в скромных пределах возможного. Бодюль докладывал о том, что в последние дни радио и телевидение республики заняты в основном передачей «на молдавском языке, доступном для румын» (не лишенный остроумия пропагандистский эвфемизм), сообщений ТАСС, редакционных статей «Правды» и других материалов, излагающих официальную советскую точку зрения. Эта работа не была напрасной. По свидетельству румынских туристов, которых обострение чехословацкого кризиса застало в Кишиневе, население Румынии действительно проявляло большой интерес к передачам кишиневского радио и телевидения, поскольку хотело знать истинные намерения советского руководства²⁹, — в румынском обществе в конце августа 1968 г. существовали определенные опасения военного конфликта между СССР и Румынией³⁰, и ознакомление с официальной советской позицией в некоторой мере способствовало прояснению ситуации и снижению панических настроений.

Румынский фактор играл свою роль при запрашивании средств не только на создание новых ретрансляторов, но и на благоустройство населенных пунктов, особенно в приграничной полосе. Как читаем в одной из записок, адресованных в Совет Министров СССР в 1968 г., «в связи с тем, что за последнее время румынской стороной проведены крупные работы по благоустройству пограничных сел, создается обстановка для

нежелательных сравнений»³¹. Очевидно, в силу определенных исторических обстоятельств и традиций и в Бессарабии, и в Румынии привыкли сравнивать положение дел по обе стороны Прута, что понимали и в Кишиневе, в руководстве республиканской парторганизации Молдавии. В определенных случаях, вероятно, есть основания говорить о своего рода соревновании в показухе.

Официальные связи жителей Советской Молдавии с гражданами Румынии были в 1960-е годы не слишком интенсивны и в целом не благоприятствовали формированию прорумынских настроений населения республики. Прежде всего патриотам Советской Молдавии (независимо от их национальности) не могло понравиться демонстративное проявление неуважения к самому факту существования этого политического образования в составе СССР. Как читаем в информационном письме для ЦК КПСС о связях пограничных районов Советской Молдавии и Румынии (1967 г.), «большинство встреч с румынскими товарищами проходит сугубо официально. Со стороны отдельных представителей партийных и государственных органов делается попытка игнорировать сам факт существования Молдавской ССР, ее государственности и суверенитета»³². Правда, в окончательном, посланном в Москву варианте эта фраза была смягчена: очевидно, в Кишиневе не хотели давать лишний повод для обострения советско-румынских отношений.

Выезжая в Румынию, жители Советской Молдавии нередко сталкивались с довольно пренебрежительным к себе отношением. Были случаи, когда во время выступлений молдавских спортсменов в них бросали гнилые яблоки, а то и бутылки³³. Но даже тогда, когда в донесениях говорилось о сердечном приеме, отмечались также частые высказывания румынской стороны о том, что гостей она принимает от СССР, а не от Советской Молдавии. Наряду с официальными связями существовали и неформальные, по всей видимости, ничуть не менее интенсивные. Как читаем в записке И.И. Бодюла в ЦК КПСС от 23 августа 1968 г., «каждое политическое мероприятие, которое проводится в Молдавии, сразу становится известным широкому кругу актива Румынии. По всему видно, что румыны имеют определенные контакты с Молдавией, организованную связь и внимательно следят за происходящими у нас событиями»³⁴. Есть, пожалуй, основания говорить о достаточно тесных связях обществ по обе стороны Прута в 1960-е годы.

Таким образом, документ свидетельствует о том, что в 1960-е годы в среде молдавской интеллигенции (особенно творческой) активизировались поиски национальной идентичности, в некоторых случаях связанные с прорумынскими устремлениями, однако в большей мере со стремлением выявить общность молдаван с латинским миром. Партий-

ное руководство, пытаясь поставить преграду прорумынским тенденциям, вместе с тем выступало за расширение возможностей для развития культуры в республике, в том числе на языке мажоритарного населения (при сохранении кириллицы), что проявилось в неоднократных обращениях к Москве с просьбой разрешить создание в Молдавской ССР более развитой инфраструктуры культуры (в том числе системы массовой информации). Ссылки на сильное румынское влияние и необходимость его нейтрализации были для республиканского партийного руководства наиболее действенным аргументом, когда от Москвы хотели добиться разрешения на создание новых культурных институтов в Молдавской ССР и выделение дополнительных средств.

Документы, относящиеся к последующему периоду, вносят некоторые новые штрихи в картину, но кардинально не меняют ее. В 1970-е годы активизировались связи пограничных районов Молдавской ССР с пограничными румынскими уездами, особенно обмен делегациями партийных работников и представителей трудовых коллективов. Хотя в отчетах представителей соответствующих районных властей Молдавской ССР в Кишинев республиканскому партийному руководству нередко можно читать упреки в адрес румынских партнеров в безынициативности, затягивании с составлением планов обмена и т.д., несомненно, что к рубежу 1970–1980-х годов связи были на подъеме. Встречи, как правило, проходили в дружеской атмосфере, установка на конфликт отсутствовала. Вместе с тем принципиальные различия в историческом воспитании, сформированных школой и СМИ представлениях об истории Румынии, роли Румынии во Второй мировой войне, о сути бессарабского вопроса, о культурно-языковых различиях румын и молдаван, о праве молдавской нации на существование, порождали взаимонепонимание. Гостям из СССР, судя по отчетам, хранящимся в Кишиневе в фондах ЦК компартии Молдавской ССР, несколько резало ухо слово «Бессарабия» применительно к Советской Молдавии, в музеях г. Яссы и Ботошани бросались в глаза, вызывая соответствующую реакцию, карты Великой Румынии 1920–1930-х годов, включавшие междуречье Днестра и Прута. Подчас не нравилось, когда румынские собеседники ставили под вопрос существование самостоятельного молдавского языка, подвергали сомнению право на формирование молдавской социалистической нации. В музее М. Эминеску в Ботошани советские гости выражали недоумение, почему обходится стороной принадлежность великого поэта к молдавскому народу (этому их учили в школе). Случались и конфликты, когда музейные экскурсоводы в присутствии людей, участвовавших во Второй мировой войне в качестве красноармейцев (а таких было много в 1960–1970-е годы и среди этнических молдаван), оправдывали нападение Румынии

на СССР в июне 1941 г. необходимостью вернуть утраченные в 1940 г. территории. Но как бы то ни было, участвовавшие контакты в некоторой мере способствовали разрушению стереотипов, улучшению взаимопонимания³⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. стенограмму заседания Президиума ЦК КПСС от 1 июля 1959 г., на котором обсуждалась ситуация в Латвии и Азербайджане: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 / Главный редактор академик А.А. Фурсенко. Том 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2003. С. 356–387. См. также краткую запись заседания от 2 июля: Там же. С. 387–388. Соответствующие постановления Президиума ЦК КПСС см.: Там же. Т. 3. Постановления. 1959–1964. М., 2008. С. 37–39.

² Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 5. Оп. 36. Д. 148. Л. 189–195.

³ О чем свидетельствует выше упомянутое письмо И.И. Бодюла в ЦК КПСС. См.: Там же.

⁴ Arhivă Organizațiilor Social-Politice a Republicii Moldova (Chișinău) (далее — AOSPRM). F. 51. In. 29 (1968). D. 28. F. 65–66.

⁵ См.: *Тыкалин А.С.* Проблемы советско-румынских отношений и формирования румынской модели социализма в материалах Президиума ЦК КПСС (1953–1964) // *Славянство, растворенное в крови...* В честь 80-летия со дня рождения В.К. Волкова (1930–2005) / Отв. редактор К.В. Никифоров. М., 2010. С. 371–392; *он же.* Что думали румыны об СССР в 1964 г. (Свидетельствует советский дипломат) // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е–60-е гг. XX в. / Отв. редактор Н.М. Куренная. М., 2011. С. 367–398.

⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 148. Л. 189–195.

⁷ Там же. Л. 194. На самом съезде же «нездоровые» настроения, как читаем в записке, «встречались аплодисментами определенной части съезда и, наоборот, эта же часть проявляла нетерпимость к выступлениям, в которых ораторы доказывали несостоятельность выдвигаемых предложений», в частности, о переходе на латиницу. Не желая драматизировать ситуацию, первый секретарь республиканской парторганизации в целом охарактеризовал морально-политическую обстановку в Молдавской ССР как нормальную, доложил о конкретных мерах, принятых в целях преодоления «националистических тенденций». Вопросы, требовавшие прояснения с партийных позиций, предполагалось обсудить на ряде республиканских партактивов и съезде работников культуры республики, намеченном на февраль 1966 г. (Там же. Л. 190, 194).

⁸ В июле 1964 г., принимая делегацию японской социалистической партии, Мао Цзэдун заверил своих собеседников, что Китай поддерживает претензии Японии в отношении Курильских островов. Он заметил при этом, что и в Восточной Европе Советский Союз удерживает за собой ряд территорий, на которые имеет меньше прав, чем некоторые соседние государства (Польша, Финляндия, Румыния). О содержании беседы китайского лидера с японскими социалистами было известно в Москве из публикаций китайской и японской прессы, высказывания Мао стали предметом обсуждения на заседании Президиума ЦК КПСС 19 августа 1964 г., где Хрущев выступил с пространном монологом, посвященным

проблеме национально-территориальных противоречий между социалистическими странами. См. запись: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т.1. С. 848–852. Через месяц, 25 сентября 1964 г., Президиум ЦК обсуждал новую информацию, поступившую из Пекина — о том, что румынская делегация во главе с премьер-министром И.Г. Маурером, прибывшая в Китай на торжества по случаю 15-летия КНР, в беседе с министром иностранных дел КНР Чен И затронула вопрос о несправедливости присоединения к СССР некоторых румынских территорий. Президиум ЦК принял решение проверить достоверность полученных сведений (Там же. С. 859).

⁹ Обзоры работ румынских историков, подготовленные для аппарата ЦК КПСС, см.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 110.

¹⁰ У сторонников кириллицы была своя аргументация, изложенная и Бодюлом в его записке в Москву. Позицию о предпочтительности кириллицы он аргументировал тем, что молдавский народ пользуется ею на протяжении шести веков, и только в течение 22 лет румынской оккупации (1918–1940) кириллица была заменена латинской графикой. Около 80% населения Молдавии получило образование при Советской власти, используя русский алфавит (хотя, вероятно, применительно к середине 1960-х годов эта цифра несколько завышена). Кроме того, 35% населения республики составляют не молдаване, а люди других национальностей (преимущественно русскоязычные), и русский язык, доступный подавляющему большинству молдаван, является языком межнационального общения.

¹¹ Так, создатели фильмов «Человек идет за солнцем» (режиссер М. Калик) и «Последний месяц осени» (режиссер В. Дербенев), критиковавшихся в первом случае за абстракционизм, а во втором — за «извращение в отдельных эпизодах классовой политики», отказывались реагировать на критические замечания, звучащие в республике, ссылаясь при этом на высокие оценки своего творчества всесоюзной кинематографической общественностью.

¹² AOSPRM. F. 51. In. 29. D. 28. F. 58.

¹³ Надо сказать, что П.Е. Шелест, будучи ортодоксальным коммунистом, занявшим, в частности, предельно жесткую позицию в связи с чехословацким кризисом 1968 г., вместе с тем до сих пор не без оснований считается многими украинскими историками наиболее национально ориентированным первым секретарем республиканской парторганизации за весь советский период. За «чувствительность» к украинским национальным ценностям он, как известно, и поплатился. В 1972 г. именно за националистические «перегибы» он был подвергнут критике на Политбюро ЦК КПСС, отозван из Киева, а через год выведен из Политбюро ЦК КПСС. См.: *Шелест П.Е.* «... Да не судимы будете». Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995.

¹⁴ По его личному мнению, «в республике сложилась нормальная обстановка для разговора на любом языке — русском или молдавском — по усмотрению выступающего» (РГАНИ. Ф.5. Оп. 36. Д. 148. Л. 191).

¹⁵ Там же. Л. 192.

¹⁶ См.: *Moldova, Romania, and the Soviet Invasion of Czechoslovakia. Introduction, translation and annotation by M. Kramer // Cold War International History Project Bulletin. Issue 12/13. Washington, 2001. P. 326–333.*

¹⁷ См.: AOSPRM. F. 51. In. 29. D. 97. F. 170; D. 102. F. 94. Временное изъятие у колхозов для нужд армии немалой части автопарка, произошедшее в июле во время больших маневров, проходивших на территории Молдавской ССР, не только нервировало население, но и вело к дезорганизации хозяйства. См.: *Ibid.* D. 29. F. 239–241.

¹⁸ Ibid. D. 97. F. 103–106.

¹⁹ См.: Ibid. D. 29. F. 239–241. По итогам июльских маневров был сделан вывод, что подобного рода мероприятия необходимо сопровождать не только идеологическими, но и адекватными организационными мерами в целях обеспечения нормальной внутренней обстановки; в 20-х числах августа 1968 г. партийные и советские органы на местах были лучше проинструктированы центром о происходящих событиях, и панических проявлений удалось избежать. Панические слухи были характерны, впрочем, отнюдь не только для Молдавии. Жители северо-кавказского региона в августе 1968 г. также запасались провизией и предметами первой необходимости «на черный день». См.: *Крючков И.В., Крючкова Н.Д.* Отклики «Пражской весны» в Ставропольском крае (по материалам Краевого архива) // 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива. Сборник статей. Отв. редактор Г.П. Мурашко. М., 2010. С. 441. В Польше население уже в мае начало активно запасаться продовольствием, поддавшись слухам о скорой войне. См.: *Волубев В.В.* Об отношении польского общества к реформам в Чехословакии // Там же.

²⁰ Так, уже к середине июля 250 пропагандистов провели по всей республике 5000 выступлений с разъяснением линии КПСС. См.: AOSPRM. F. 51. In. 29. D. 97. F. 88–92.

²¹ См.: Ibid. F. 88–94.

²² Ibid. D.28. F. 32.

²³ Возложение венка было мотивировано тем, что будущий маршал Финляндии Карл Густав Маннергейм в годы Первой мировой войны в качестве военачальника русской армии одно время сражался с германскими и австро-венгерскими войсками именно на румынском фронте. Как бы там ни было, в Москве восприняли этот независимый внешнеполитический жест крайне негативно. Посол Румынии был вызван в МИД СССР, где первый заместитель министра В.В. Кузнецов официально выразил недоумение в связи с возложением венка на могилу Маннергейма, назвав это актом явно недружественным СССР. См.: *Cătănus A.–M.* Tensiune în relațiile româno-sovietice în anul “Primăverii de la Praga” // *Arhivele Totalitarismului*. București, 2006. № 1–2. P. 228–229. См. также: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 19. В отчете о разъяснении трудящимся Молдавской ССР текущего момента (середина лета 1968 г.) содержалась следующая дежурная фраза: «Трудящиеся республики очень остро реагируют на непоследовательность политики руководителей румынской компартии по некоторым вопросам международной политики, взаимоотношений с нашей страной и странами социалистического лагеря. Особый гнев и возмущение вызвал у молдавского народа факт возложения венка на могилу Маннергейма правительственной делегацией Румынии во главе с Маурером» (AOSPRM. F. 51. In. 29. D. 97. F. 89). В соответствии с политическим заказом в 1968 г. от имени трудящихся республики особенно часто выступали на собраниях ветераны Великой Отечественной войны и прежде всего участники освобождения Чехословакии. При этом надо иметь в виду, что в 1960-е годы в Молдавии, особенно в Кишиневе, проживало несколько тысяч отставных или отпущенных в запас военнослужащих в звании от майора до генерал-майора. Предоставление демобилизованным старшим офицерам квартир в больших городах на западных национальных окраинах СССР (в том числе в Кишиневе, Львове, столицах прибалтийских республик) было в 1950–1970-е годы неотъемлемой составной частью политики не столько русификации, сколько своего рода «интернационализации» проблемных национальных регионов, создания механизмов противодействия развитому национализму.

²⁴ Ibid. D. 98. F. 55–58.

²⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 148. Л. 193.

²⁶ AOSPRM. F. 51. In. 29. D. 97. F. 94.

²⁷ Ibid. F. 19–20. Меры по глушению радиопередач извне, как правило, не были эффективны, что неоднократно отмечалось во внутрипартийной документации 1960-х годов («Как показала жизнь, глушение передач из-за рубежа полностью не достигает цели и носит скорее символический характер»). Из записки секретаря ЦК КПСС Л.Ф. Ильичева в Президиум ЦК КПСС «О заглушении зарубежных радиопередач» от 30 марта 1963 г.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 263. Л. 18–22). Из документов аппарата ЦК компартии Молдавской ССР известно, что жители республики в 1968 г. зачастую узнавали о событиях в Чехословакии и Польше сначала из зарубежных (в первую очередь румынских) источников — радиопередач, телевидения и прессы, а затем уже из советских СМИ (AOSPRM. F. 51. In. 29. D. 29. F. 239).

²⁸ Ibid. D. 97. F. 106.

²⁹ Ibid. D. 102. F. 43–50.

³⁰ См.: *Марьина В.В.* Пражская весна 1968 года: к вопросу о международном резонансе (по опубликованным в Чешской Республике документам и материалам чешского журнала «Soudobé dějiny») // *Славяноведение*. 2008. № 3. С. 22–40. О ситуации на советско-румынской границе, принятых в Румынии мерах по мобилизации дает представление записка И.И. Бодюла в ЦК КПСС от 23 августа 1968 г. См.: AOSPRM. F. 51. In. 29. D. 97. F. 103–106. См. также письмо ветерана румынской компартии Л.И. Брежневу, направленное через ЦК компартии Молдавской ССР. Критикуя руководство румынской компартии за «национализм», автор пишет о проходящей в Румынии мобилизации, создании рабочих дружин, вооружении партийно-государственного актива (Ibid. F. 173–176). Письмо свидетельствует о существовании на периферии румынского общества просоветских настроений.

³¹ Ibid. F. 96.

³² Ibid. D. 240. F. 3.

³³ Ibid. F. 4.

³⁴ Ibid. D. 97. F. 104.

³⁵ Из исследований и документальных публикаций последних лет см.: *Cojocaru Gh.* Confruntarea sovieto-română pe frontul ideologic din RSS Moldovenească (1968–1979). Studii și documente. Iași, 2011; *Negru E., Negru Gh.* “Cursul deosebit” al României și supărarea Moscovei. Disputa sovieto-română și campaniile propagandistice antiromânești din RSSM (1965–1989). Studii și documente. Vol. 1 (1965–1975). Chișinău, 2013.